

Молодой монарх с каменным лицом пожал плечами, снова уселся на высокий табурет у окна и поднял с пола новый планшет для рисования.

Цзян Юньди больше не смотрел на него, приняв от подчинённого документы по государственным делам, и сел в самом дальнем от окна углу, погрузившись в чтение. Длинные волосы скрывали половину его лица.

Е Фаньсин мысленно обратился к Системе:

— Он правда состоял со мной в грязных, невысказанных сделках? По нему совсем не видно, что я ему нравлюсь.

— Здравствуй, да. Наше Управление пространства и времени строго соблюдает принципы, между вами всё чисто. Ему нравится твоя внешность, но как личность ты ему глубоко противен.

Чёрт. Выражение лица Е Фаньсина стало пустым. С отчаянием он наклонился и поправил планшет.

Цзян Юньди случайно поднял взгляд и увидел неуча-монарха, сидящего в роскошных лучах заката. Его золотые волосы сияли, а лицо было сосредоточено на прорисовке какого-то контура. Взгляд Цзян Юньди на мгновение задержался, прежде чем он снова опустил голову, внутри него шевельнулось странное чувство.

Глубокой ночью слуга принёс ночные десерты и фрукты. Е Фаньсин подсел к Цзян Юньди, наколот кусочек торта и, опустив глаза, спросил:

— Господин премьер-министр, у меня есть вопрос.

Цзян Юньди поднял взгляд, в его глазах мелькнула скрытая улыбка, и он мягко, как с ребёнком, сказал:

— Спрашивайте, Ваше Величество.

Съев торт, Е Фаньсин таким же безразличным тоном, как если бы говорил о погоде, произнёс:

— Приложил ли ты руку к смерти моего отца?

— Ваше Величество, я не из Партии «Белый голубь», — с лёгкой усмешкой ответил Цзян Юньди, его выражение было снисходительным, словно он смотрел на человека, не интересующегося политикой и задающего глупые вопросы.

Е Фаньсин слегка удивился:

— Значит, ты признаёшь, что смерть моего отца — дело рук «Белых голубей»...

— Вы закончили? — Цзян Юньди не потерял улыбку, перебив его. Он не особо заботился о том, что раскрывает эту информацию монарху без реальной власти.

Он встал, приблизился к Е Фаньсину и, глядя на него сверху вниз, с лёгким давлением в голосе произнёс:

— Маленький мальчик, который даже не может управлять собственной судьбой и живёт в постоянной опасности, разве не слишком ты зарвался? Я сказал, что это не я, не испытывай моё терпение, ладно? — К концу фразы его голос вновь приобрёл мягкую, обволакивающую интонацию, но было совершенно ясно — его терпение на исходе.

Однако молодой монарх, вопреки обыкновению, не отвел взгляд, а уставился на него своими изумрудными глазами.

— Ты не из Партии «Белый голубь», но ты такой же, как они, — тихо сказал Е Фаньсин. — Прихвостень Альянса.

Зрачки Цзян Юньди резко сузились.

Понаблюдав за Е Фаньсином несколько мгновений, Цзян Юньди внезапно успокоился и с характерной улыбкой произнёс:

— И что дальше?

Е Фаньсин опешил, не ожидая такого прямого признания. Стекланный пол отражал фигуры обоих, словно это была какая-то историческая встреча, описанная в учебниках.

Цзян Юньди подошёл так близко, что его тёплое дыхание касалось уха Е Фаньсина. На таком расстоянии Е Фаньсин мог отчётливо разглядеть презрение в его глазах, когда тот заговорил мягким, похожим на любовный шёпот голосом:

— Если я захочу, Ваше Величество, ещё до рассвета ты уподобишься своему отцу: в парящем автомобиле — бах! — разлетишься на кусочки, словно новогодний фейерверк.

Е Фаньсин холодно встретил его взгляд, и в его изумрудных глазах, унаследованных от поколений королевской семьи, вдруг вспыхнула колючая усмешка. Он резко повернул голову и буквально вцепился губами в те самые уста, что только что произнесли угрозу.

Это был скорее укус, чем поцелуй, похожий на внезапный штормовой прилив или на атаку детёныша, старающегося казаться свирепым — полный хаоса и дерзкого нарушения границ.

Цзян Юньди: «!»

[Система]: «!»

Не дожидаясь, пока Цзян Юньди оттолкнёт его, молодой монарх, откусив ему губу, тут же отскочил на три-четыре шага. На его губе остался кровавый след, придававший ему свирепости, но улыбка была безоблачно-яркой, словно он только что получил новую игрушку:

— Раз уж ты так сказал, я тоже не должен остаться внакладе.

Цзян Юньди, вне себя от ярости, рассмеялся:

— Стража!..

Яркий свет вращающейся хрустальной люстры заливал помещение. Е Фаньсин стоял посреди пустого зала, его изумрудные глаза были прекрасны, как какой-то дурманящий разум драгоценный камень. Казалось, свет, падающий прямо на него, вызвал головокружение — он пошатнулся и медленно отступил на несколько шагов назад.

Цзян Юньди наблюдал, как он отступает. Охрана, услышав шум, уже ворвалась в зал и замерла в ожидании приказа.

Е Фаньсин опёрся на высокий табурет у окна и опустил на него. Когда он снова поднял голову, на его лице не осталось и следа прежнего торжества. Он выглядел как подросток в период бунтарства, только что осознавший, что разозлил взрослого, и с пробным, договаривающимся тоном спросил:

— Всего один поцелуй — разве это слишком?

Выражение его лица было невинным и юношеским, словно он совершенно не осознавал, что сделал что-то не так. Он был слишком красив, его золотые волосы сейчас мягко ниспадали на уши, и такой взгляд, казалось, мог заставить любого простить его.

Цзян Юньди отлично это понимал. С тех пор как этот мальчик взошёл на трон, общий рейтинг поддержки Партии «Золотая роза» вырос наполовину, и тенденция к росту сохранялась — даже несмотря на то, что все подданные знали: он всего лишь бесправный символ, талисман.

Командир охраны кабинета в наступившей тишине осторожно поднял голову, заметил ранку на губе Цзян Юньди, внутренне содрогнулся и, полный тревоги, опустил взгляд:

— Господин премьер-министр, прикажете...

Цзян Юньди холодно уставился на юношу на табурете и спустя мгновение произнёс:

— Вон.

Е Фаньсин, словно получив помилование, тут же спрыгнул с табурета и быстрым шагом

направился к двери, намереваясь смыться, но не успел приблизиться, как его схватили за шиворот.

Цзян Юньди, с улыбкой, не достигавшей глаз, повернул к нему своё изящное лицо и, не отпуская воротник, произнёс:

— Я сказал им — вон.

Командир охраны кабинета, всё ещё упивавшийся зрелищем, получив опасный ледяной взгляд премьер-министра, немедленно отдал честь и стремительно вывел людей. Последний вышедший аккуратно прикрыл дверь.

— А я-то думал, ты просто утопишь меня и поставишь нового монарха, — с безнадёжностью в сердце произнёс Е Фаньсин, глядя на вновь плотно закрытую дверь.

Цзян Юньди спокойно разжал пальцы, достал носовой платок, вытер кровь с уголка губ и, уже без прежней фальшивой улыбки, равнодушно сказал:

— Такая мысль действительно была.

— И тогда я мог бы нырнуть, найти доску, доплыть до какого-нибудь доброго корабля, — продолжил Е Фаньсин. — Такого красивого и статного юношу, как я, судьба наверняка не оставит без внимания.

Цзян Юньди на мгновение прикрыл глаза, затем поднял веки и с улыбкой произнёс:

— Раньше я не замечал, что у тебя такой острый язык.

Е Фаньсин поправил помятый воротник, выпрямился и взял стоявший рядом стеклянный стакан с водой:

— Премьер-министр, ещё не поздно оценить мои достоинства.

— Раз такой речистый, можно и зашить, — улыбнулся Цзян Юньди. На этот раз улыбка была не поверхностной, как обычно, а искренней, отчего его изящные черты лица ожили. — В конце концов, для встреч с подданными Вашему Величеству говорить и не требуется.

— Кх-кх... — Е Фаньсин подавился и уже собирался возразить, как на него вновь накатило то самое удушающее головокружение, которое он почувствовал при первом попадании в этот мир. Он беспомощно соскользнул с табурета, прислонился спиной к окну, судорожно пытаясь вдохнуть, лицо его стремительно побелело.

Выражение лица Цзян Юньди изменилось. Он нажал кнопку вызова на стене, быстрым шагом подошёл, поддержал Е Фаньсина, начал делать непрямой массаж сердца, базовую неотложную помощь, и мягко, замедленно сказал:

— Дыши. Врач уже едет.

Е Фаньсин, чувствуя, как сердце с перебоями колотится в груди, уже приготовился ненадолго отключить сознание, но, увидев это, отменил отключение. Чёлка его была мокра от пота, он с трудом пытался что-то сказать.

— Не говори, — нахмурившись, бросил на него взгляд Цзян Юньди. — Жить надоело?

Е Фаньсин уже почти сдался, но этот взгляд вновь разжёл в нём дух соперничества. Подключившись к Системе, чтобы подкорректировать данные тела, он, задыхаясь, прошептал:

— Искусственное... дыхание...

Цзян Юньди замер на мгновение, затем рассмеялся от злости, отодвинул его мокрые от пота золотые волосы со лба и сказал:

— Раз можешь говорить, значит, с Вашим Величеством всё в порядке?

Вскоре прибыл врач. Когда опасность миновала, Е Фаньсин вяло сидел, прислонившись к стеклянному окну, и на каждый вопрос врача односложно мычал в ответ. Он приоткрыл окно, ночной ветерок развеивал его чёлку, рубашка на спине промокла от пота, а очертания лопаток напоминали крылья готовой взлететь птицы.

Врач, беспомощно взглянув на Цзян Юньди, почувствовал, что премьер-министр слушает внимательнее, чем сам пациент:

— Вот в основном все рекомендации. Нынешние медицинские технологии нашей галактики не могут полностью излечить это заболевание, но при своевременном приёме лекарств приступы можно купировать. Я уже давал Вашему Величеству два флакона, но он...

<http://bllate.org/book/15566/1385362>